

исследований в области нижненемецкого языка и диалектов и подводит своеобразный итог личного исследовательского интереса ее автора, посвятившего этой проблеме значительную часть своих научных публикаций, начиная с конца 60-х годов, т.е. на протяжении более чем 20 лет. Приходится лишь сожалеть, что автору не довелось познакомиться, если судить по библиографии к книге, с интересными и важными исследованиями в этой области, проведенными в разное время в нашей стране. Здесь прежде всего хотелось бы упомянуть работы таких авторов, как Г.Г. Едиг, Г.Я. Панкрац, а также многие публикации С.А. Миронова, успешно разрабатывающего в отечественной германистике как пробле-

мы нижненемецкого языка и диалектов, так и вопросы становления нидерландского литературного языка. И тем не менее труду Д. Штелльмахера принадлежит заслуга стать одним из первых энциклопедических изданий, мимо которого не пройдет ни один исследователь, начинающий и многоопытный, который занимается многообразными вопросами современной и исторической диалектологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. König W. Atlas zur deutschen Sprache. München, 1991. S. 132—134.

Домашнев А.И.

Masica C.P. The Indo-Aryan languages. Cambridge university press, 1991. XVI + 539 p.

Индоарийские языки представляют в индоевропейской семье группу, наиболее значительную по своему составу (полный их список превысит сотню наименований) и по функциональной значимости (число говорящих на них стремительно близится к миллиарду). Значительный теоретический интерес ее обусловлен еще и тем, что основные этапы развития языков этой группы доступны непосредственному наблюдению по памятникам литературы за более чем трехтысячелетний период. Первые сравнительные грамматики индоарийских языков (по преимуществу наиболее известных из них, обладавших письменной традицией) появились более ста лет тому назад. Достаточно назвать труды Р.Г. Бхандаркара [1], Дж. Бимза [2], Р. Хёрнле [3] (ср. также грамматику хинди и многочисленных близких к нему языковых разновидностей С. Келлогга [4]). Через полвека за ними последовали работы Дж. Грирсона [5] (опирается в значительной мере на материалы им же подготовленного многотомного "Описания языков Индии"), а затем и Ж. Блока [6], следующие в основном той же сравнительно-исторической модели, но содержащие уже и заметные элементы структурной типологии. При всем том в общелингвистических исследованиях индоарийский материал использовался на удивление мало, если не считать обращения компаративистов к санскриту.

В этом свете значение работы К. Масики трудно переоценить. Дело не только в том, что впервые после более чем полувекового перерыва в западной индологической лите-

ратуре появляется оригинальный труд, обобщающий последние результаты изучения новых индоарийских языков, но и в том, что труд этот написан с принципиально иных по сравнению с прежними работами позиций, отражая достижения типологического и ареального методов в языкознании. Автор к этому оказался наилучшим образом подготовлен, поскольку его перу принадлежат, с одной стороны, совместный с А. Рамануджаном очерк типологии индийских (южноазиатских) фонологических систем [7, с. 543—577], а с другой, первый в своем роде опыт ареального обследования ряда характерных грамматических (морфологических и синтаксических) черт языков Южной Азии на широком евроазиатском, а отчасти и североафриканском фоне [8].

Рецензируемая книга членится на десять глав. В первой (с. 1—7) К. Масика формулирует стоящие перед ним задачи, а во второй (с. 8—31) дает обзор новых индоарийских (НИА) языков. Хотя автор скромно именуется предложенную экспозицию "взглядом с птичьего полета" (с. 8), она вместе с органически смыкающимися с нею двумя приложениями (I. Инвентарь НИА языков и диалектов — с. 420—445 и II. Схемы классификации НИА языков — с. 446—463) сообщает читателю практически все необходимые внешние сведения о рассматриваемой языковой группе. "Инвентарь" содержит ровно четыре сотни лингвонимов (правда, 80 из них — отсылочные — являются дублетными наименованиями), среди которых до полутора сотен обозначают языки, остальные — диалекты.

Сама проблема разграничения тех и других, для рассматриваемой группы отнюдь не просто решаемая, подвергнута специальному обсуждению (с. 23—27), открывающему перед читателем выбор решений. Та же проблема рассматривается с другой стороны в анализе классификационных схем — от первой из них, предложенной Хёрнле еще в 1880 г. [3, с. XXXVI], до самых новейших, отражающих по преимуществу генетические, но отчасти также и типологические соотношения языков и важнейших диалектов.

Третья глава (с. 32—60) посвящена основным ступеням развития индоарийских языков — их внешней истории (начиная с генетических связей и реконструкции путей миграции их носителей в Индию и кончая оценкой субстратных и контактных влияний на субконтиненте) и основным этапам внутреннего развития членов группы — от древнего индоарийского состояния к новому, учитывая наряду со структурными и социолингвистические аспекты проблемы. Здесь, как и в предыдущей главе, привлекает широкий охват точек зрения, выдвигавшихся предшественниками автора, и взвешенная их оценка, открывающая перед читателем возможность самостоятельного углубления в вопрос через обращение к рекомендуемой автором важнейшей литературе.

В четвертой главе (с. 61—85) характеризуется природа НИА словаря, причем преимущественно с точки зрения путей его развития и пополнения. Среди них наиболее актуальны такие, как (а) прямое заимствование лексики извне, (б) адаптация чужеродных терминов путем их калькирования, при котором, что в данном случае особо существенно, "строительным материалом" служат морфемы не самого заимствующего языка, а его "классического" предшественника (в первую очередь — санскрита) и (в) словотворчество, причем опять же в первую очередь на "классическом" этимологическом материале. В связи с этим должное место отводится ознакомлению с традиционным членением исконно индийской лексики НИА языков на "тадбхава" (прошедшую естественный путь фонетического развития, что отразилось и в орфографии) и "татсама" (сохраняющую санскритское написание и в какой-то мере звучание) и оценке роли в различных новых языках заимствований как из санскрита, так и из "внешних" источников, таких, как персидский (а через него и арабский), португальский, английский. Особо отмечены характерные локальные способы словообразо-

вания: "экспрессивные" формы, ономотопея, слова-эхо и некоторые другие оригинальные черты современного словотворчества.

Пятая глава (с. 86—132), посвященная дескриптивной фонологии НИА, открывается обсуждением трудностей, встающих перед исследователем на пути к воссозданию охватывающей всю группу адекватной общей картины: неравномерная изученность отдельных языков; разноречивость в представлении одних и тех же фактов разными авторами; наличие "вторичных" (социально обусловленных) фонологических подсистем; неясный статус заимствованных элементов, порождаемый разной степенью их ассимиляции; затруднения, вытекающие из специфики местных письменностей, и, плюс ко всему, теоретически оправданная допустимость неединственности фонемных решений в рамках различных подходов.

Консонантизм описан по традиционной схеме, исходя из локальных пучков смычных согласных (чаще всего их пять), включающих по четыре основных члена, различающихся глухостью/звонкостью и непридыхательностью/придыхательностью, к которым примыкают носовые (чаще неполный набор), немногочисленные сонанты и спланты. Применительно к каждому признаку обсуждается мера его реализации в конкретных языках, приводящая либо к расширению, либо к сужению типовой модели. Особо останавливается автор на периферийных фонемах из сферы заимствований. Свои выводы он суммирует в сравнительной таблице систем консонантизма по языкам.

Сложнее обстоит дело с вокализмом, представляющим своеобразный артикуляционный континуум, что затрудняет четкую и единообразную идентификацию гласных, особенно в переходных областях среднего (верхне-среднего и ниже-среднего) подъема. Неоднозначно решаются в существующих описаниях вопросы трактовки дифтонгов и назализованных гласных. Здесь автор склоняется к наиболее здравой позиции признания исходными единицами для сравнительного анализа реальных сегментных фонем, а не признаков таковых.

Откровенно указывая на те языки (диалекты) и те участки систем, для суждения о которых ему недостает объективных свидетельств, К. Масика тем самым намечает программу сбора фактического материала, необходимого для решения насущных задач. То же можно сказать о разделе, где трактуются тоновые и регистровые противопоставления, наблюдаемые в отдельных НИА, и вопросы словесного ударения, вы-

раженного в рассматриваемых языках слабее, чем в европейских.

Значительное внимание уделено дистрибуции согласных и гласных фонем, имеющей для сравнения НИА языков (особенно — исторического) отнюдь не меньшее значение, чем сами фонемные инвентари. И, наконец, полученные результаты оцениваются с точки зрения типологии ареала.

Шестая глава (с. 133—153) посвящена употребляемым для НИА языков системам письма. Центральное место здесь занимают брахми и его производные, включая специфику их употребления в конкретных языках. Кратко характеризуются особенности использования на Индийском субконтиненте арабицы и латиницы.

Несколько выпадает из общей синхронной направленности книги глава седьмая (с. 154—211), посвященная исторической фонетике индоарийских языков. Это находит, однако, оправдание в том, что, не зная закономерностей фонетического развития сравниваемых языков, невозможно сознательно соотносить наблюдаемые в них исконные лексические и, что особенно важно для дальнейшего изложения, морфологические элементы. После сжатой характеристики инвентаря древнеиндийских согласных и гласных и закономерностей их дистрибуции автор показывает основные процессы фонологического развития среднеиндийских языков (праkritов), общие и локальные, а затем то же самое делает применительно к новоиндийским, где на фоне господствующих преобразований в системе выделяет особые линии развития отдельных языков и подгрупп их и присущие таким языкам исключения из общего правила, что позволяет ему наглядно продемонстрировать региональные и индивидуальные языковые инновации.

Все рассмотренное служит надежным фундаментом для последующих трех глав, составляющих половину основного содержания книги и демонстрирующих принципиально новый подход к сравнению современных НИА языков. Здесь К. Масика предлагает типологическое представление их морфологии и синтаксиса. Правда, морфология при этом понимается не в традиционном — узко формальном, — а в несколько расширенном, преимущественно функциональном смысле, позволяющем отнести к словоизменению три группы образований: первичные синтетические (флективные), вторичные синтетические (агглютинативные) и аналитические. В той или иной

совокупности (это зависит от конкретного языка) они образуют парадигму новоиндийского изменяемого (склоняемого или спрягаемого) слова, ср. [9, с. 18—25]. Автор оговаривает, что этот подход не вполне строг, и другие исследователи могли бы считать более последовательным использование генеративного метода, но с практической точки зрения он удобнее, так как, во-первых, позволяет представить материал более компактно, во-вторых, не требует столь широких новых обследований языков и, в-третьих, дает картину, наиболее доступную восприятию читателя, не имеющего специальной теоретической подготовки. Эта картина воплощается далее в виде последовательного ряда схем, где в клетках, отвечающих географическому размещению основных языков, приводятся форманты рассматриваемой грамматической категории или составляющих ее граммем. Развернутые комментарии к схемам оговаривают особые случаи и исключения, а также специфику малых языков и диалектов, в схемы не вмещающихся. Это позволяет легко увидеть основные категориальные и формальные схождения и расхождения языков и сгруппировать их по различным типологическим параметрам. Так построены главы восьмая и девятая, которые автор, избегая употреблять напрямую слово "морфология", осторожно называет "Именные формы и категории" (с. 212—256) и "Глагольные формы и категории" (с. 257—330).

Описание именных форм вопросов не вызывает. Здесь последовательно рассматриваются род, число, падеж и определенность ~ неопределенность существительного, а также проявление первых трех названных категорий в сфере словоизменения прилагательных и местоимений. Правда, при обсуждении категориальной структуры стоило бы специально остановиться на характерной для многих НИА языков классифицирующей категории персональности ~ неперсональности (в смысле противопоставления "персон", т.е. людей и приравняемых к ним существ, "неперсонам" — животному и предметному миру), сменяемой порой с одушевленностью ~ неодушевленностью, с которой она близко соседствует, но отнюдь не совпадает. Последняя охарактеризована в примеч. 2 к схеме 8.3 применительно к сингальскому, где противопоставление по одушевленности проявляется наиболее четко. Первая же лишь вскользь упомянута как одна из возможных интерпретаций агглютинативного показате-

ля множественности в восточных НИА, трактуемого и как выразитель почтительности (с. 229), и как классификационный признак вопросительных местоимений (схема 8.11), и вновь всплывает в главе о синтаксисе при обсуждении типов оформления прямого дополнения (с. 365). При этом использование термина *personal* (vs. *impersonal*) без специальных оговорок может дезориентировать читателя, способного отнести его к традиционному выделению личных местоимений, и, видимо, по этой причине в гл. 10 тот же класс имен обозначается термином *human* (vs. *non-human*). Специально остановиться на этом признаке, явно классифицирующем для существительного, было бы тем более целесообразно, что в синтаксисе он формально перекрещивается с другим признаком — определенности ~ неопределенности объекта, выступающим как ситуационный, т.е. словоизменяемый.

Значительно больше новых вопросов поднимает глава о глаголе. Здесь прежде всего нужно приветствовать решительное размежевание с давней европейской традицией объединения всего разнообразия спрягаемых форм глагола под общим названием "времен" (*tenses*). К. Масика предлагает последовательно формальный подход к анализу глагольной словоизменения, различая в нем две группы категорий: согласовательные и собственно глагольные. К первым относятся лицо и число, а в отдельных языках также род (преимущественно в западных) и иерархия форм вежливости (преимущественно в восточных). Находя выражение в первичных или вторичных окончаниях, эти категории различаются по языкам не только самими способами, но и широтой формальной манифестации. В группе вторых — чисто глагольных — выделяются две категории: а) вид и б) время или наклонение. В их вычленении автор опирается на преобладающую структуру видо-временных форм НИА языков, представленных в подавляющем большинстве двучленными аналитическими образованиями, сочетающими в себе ту или иную форму (как правило, непредикативную) полнозначного глагола с личной формой вспомогательного глагола (связки). Соответственно, одночленные формы могут трактоваться как сочетания, в которых один из компонентов представлен "нулем". В результате все спрягаемые формы (кроме, заметим, одной — императива) укладываются в двухмерную схему, один из параметров которой, определяемый формой полнозначного глагола, трактуется как вид (*aspect*), а второй, определяемый формой

вспомогательного, как время/наклонение (*tense/mood*)¹.

То понимание категории вида, которое предлагает К. Масика, отнюдь не общепринято в индологии. Наибольшее распространение нашло оно в послевоенное время в работах русских индологов, начиная с И.Е. Катениной [11, с. 57, 63—65], но своими корнями уходит почти на столетие раньше — к первой классической грамматике хинди С.К. Кеплогга, построившего схему строгого параллелизма форм, опирающихся на причастия несовершенного и совершенного вида, и трактовавшего различия между ними в первую очередь как аспектуальные [4, с. 227—228]. Впоследствии акцент нередко переносился на темпоральное содержание форм, что приводило к их качественной переоценке, причем сами причастия, на которые они опираются, стали определяться как "причастия настоящего и прошедшего времени" [12, с. 70, 75 и сл.]. В последние десятилетия дело осложнилось еще и новой концепцией НИА "вида" (прежде всего в хинди), предложенной В. Поржизкой [13] и активно развиваемой ныне П. Хуком [14] и др. Суть ее заключается в функциональном отождествлении так называемых сложновербальных глаголов хинди, бенгальского и других НИА языков со славянскими приставочными глаголами совершенного вида, которым они чаще всего (хотя и не обязательно) соответствуют в переводе. При всей соблазнительности подобной трактовки признать сложные НИА глаголы чисто словоизменяемым типом мешает, во-первых, избирательность сочетаемости "векторов" (вторых, вспомогательных, компонентов таких сочетаний) с теми или иными полнозначными основами (первыми компонентами) и, во-вторых, заметные сдвиги лексического значения сложного глагола по сравнению с исходным. Поэтому

¹ О том, что такое строение системы отнюдь не универсально и представляет собой характерную черту именно НИА глагольной словоизменения, свидетельствует сравнение с другими языками, как неродственными, так и родственными. В частности, аналитические формы английского глагола, образуемые показателями четырех классов (1) *be* + *-ing*; 2) *have* + *-ed*; 3) *-ed*; 4) *will/shall* укладываются не в двух-, а в четырехмерную систему по параметрам, определяемым М. Джусом как *Aspect* (непродолженный vs. продолженный "вид"), *Phase* (неперфектная vs. перфектная "временная отнесенность"), *Tense* (непрошедшее vs. прошедшее "время"), *Assertion* (негипотетическое vs. гипотетическое "представление"), что в совокупности дает $4 \times 4 = 16$ форм [10, с. 81].

рациональнее относить их к сфере регулярного словообразования и трактовать как одно из проявлений лексико-грамматической категории способа действия (Aktionsart), как это было предложено еще три десятилетия тому назад Э. Линхардом для хинди [15]. Что же касается вида в понимании К. Масики, то можно лишь присоединиться к его заключению, что "эта категория лежит в самой сердцевине новоиндоарийской глагольной системы морфологически и исторически" (с. 262).

Второй параметр предлагаемых К. Масикой структурных схем сводит воедино две традиционных категории — времени и наклонения. Действительно, различие их в НИА языках не имеет под собой четких формальных оснований — выразителем и той и другой служит форма вспомогательного глагола (связки). Не случайны поэтому столь часто встречающиеся в грамматиках НИА языков разногласия по поводу функциональной трактовки одних и тех же форм (ср., например, "будущее II", "будущее III" [12, с. 83—84] и "предположительное наклонение" [11, с. 63—64] в хинди). Они отражают объективное отсутствие отчетливой функциональной границы, стремление исследователей к обязательному проведению которой можно объяснить влиянием классической традиции (давлению ее, наче признаться, в свое время поддался и автор данной рецензии [9, с. 285—292]).

В целом же получающаяся двухмерная схема наглядно отражает основное функциональное содержание форм и существенно облегчает сопоставление систем рассматриваемых языков. В этом сопоставлении, кстати, удается осветить неясные для отечественного языка точки системы. В частности, оно позволяет усмотреть в двойной трактовке финишной формы хинди, равной простому причастию несовершенного вида (*calitā*) — как "несовершенного общего времени изъявительного наклонения" и "общего времени условного наклонения", тождество двух разных форм, не совпадающих друг с другом в гуджарати (*āvitā* vs. *āvat*) и маратхи (*calitō* vs. *calitā*). Но на чем следовало бы остановиться особо, так это на императиве, не находящем своего места в предложенной схеме и, очевидно, прогигвостящем всей совокупности включаемых в нее форм (об этом, между прочим, говорят и особенности синтаксиса повелительного предложения).

Конкретные парадигмы видо-временных форм по важнейшим языкам группы иллюстрируются и комментируются в следующем разделе главы.

Далее автор переходит к "производным основам первого порядка" — суффиксальным образованиям по линии валентности и залога. Здесь речь идет о формальном соотношении основ непереходных, переходных и каузативных, на одну ось с которыми ложатся и синтетические пассивные с суф. *-[i]* (< ДИА *-ud-*), вытесняемые в центральных и восточных НИА аналитическими сочетаниями с вспомогательным глаголом "идти" (корень *jā-* — в связи с чем автор напоминает о давней гипотезе Бимза относительно возможности их появления под стимулирующим влиянием созвучия с суффиксом). Затем описывается система не-предикативных форм, и завершается глава обсуждением вопроса о "производных второго порядка" — уже упоминавшихся сложных глаголах — и в связи с этим о категории способа действия. Интересно здесь предлагаемое автором определение "глаголов-векторов" как "спецификаторов латентной семантики конкретных глаголов", а самого явления — как "спецификация" (с. 329). Напомним, что А. И. Баранников определял сложные глаголы этого типа как "интенсивные" [16].

Заключительная и наиболее обширная десятая глава (с. 331—419) посвящена синтаксису. После предварительных замечаний и общей характеристики простого предложения — в плане господствующего в НИА (кроме кашмири) устойчивого порядка слов с глаголом (или связкой) в конечной позиции и допустимых от него отступлений — подробно обсуждается проблема субъекта, связанная с различиями способов оформления такового в активных, эргативных и эргативообразных ("квазиэргативных") конструкциях, варьирующимися к тому же по отдельным языкам, а также в конструкциях долженствования и других, где логический субъект оформлен дательным падежом, в пассивных конструкциях (если он упоминается) и в случаях, где мы сталкиваемся с другими "кандидатами" на эту роль (например, "субъектом обладания"). Обсуждение это суммируется схематическим воспроизведением основных типов глагольного предложения в виде дерева зависимостей с субъектом в вершине (с. 363—364).

Тесно смыкается с названной и проблема объекта — собственно, исследователь часто встает перед выбором, как квалифицировать конкретный именной член. Ответ приходится искать не в оформлении имени, которое ничего не доказывает, а в факторах позиционных (обычно объект непосредственно предшествует глаголу) и, добавим, контекстуальных. Побутно автор касается

вопроса о так называемых отыменных глаголах, представляющих собой сочетание имени с глаголом (чаще всего со значением "делать"), где существительное может "вести себя" как объект, диктуя согласование глагольному компоненту в формах совершенного вида.

Кратко охарактеризовав, опять же с точки зрения нормативной позиции членов, именные (субстантивные и адъективные) конструкции, автор переходит к глагольным. Не возвращаясь к рассмотренным ранее вопросам объектного управления, он берет их здесь в сознательно суженном виде — как сочетания глагола с глаголом: "главного" — значимого, выступающего в какой-либо из непредикативных форм и занимающего в сочетании крайнюю левую позицию, и "вторичного", определяемого чаще всего как модальный (регулярные вспомогательные глаголы, выражающие время/наклонение, располагаются правее модального и в счет не идут). Предлагаемая классификация этих конструкций воплощена в восьми таблицах, где они собраны по функциональному признаку, выражаемому переводом основного значения, вносимого модальным глаголом: 1) "мочь", 2) "преуспевать в чем-л.", 3) "кончать", 4) "желать чего-л.", 5) "приходиться (делать что-л.)", 6) "долженствовать", 7) "начинать[ся]" и "допускать", 8) "продолжать", "практиковать". Формальные показатели таких конструкций (окончание главного глагола + корень модального) расположены в таблицах по географическому признаку тремя столбцами, представляя западные языки (от северного кашмири до южного маратхи), центральные (непальский, хинди и в отрыве от них сингальский) и восточные. Такое их соположение, с одной стороны, позволяет вывести любопытные соотношения ареального характера, а с другой, намечает линию дальнейших исследований в области НИА глагольного синтаксиса, поскольку предложенное К. Масикой обобщение выступает пока лишь в виде канвы, на которой отсутствует немало деталей узора. Во-первых, как это признает и сам автор, требует дальнейшего обсуждения статус некоторых из рассматриваемых здесь сочетаний — окончательный ответ на вопрос, что здесь относится к синтаксису, а что может переходить в разряд регулярного аналитического словоизменения глагола, еще нужно искать, тем более что процесс грамматикализации таких сочетаний в разных языках идет далеко не равномерно. Во-вторых, коррективы в полученную картину способны внести обращения к "малым" языкам и диалектам, остающим-

ся пока за сценой, к тому же и в охваченных основных языках остаются местами "белые пятна", откровенно помеченные в таблицах знаком вопроса. Ответить на эти вопросы сможет только целенаправленный поиск многих специалистов, стимулом к которому способна послужить предложенная К. Масикой схема.

В заключительных разделах главы бегло освещаются трансформации простого предложения при выражении вопроса и отрицания, допустимые случаи инверсии и опущения членов предложения, рассматриваются союзы и частицы, служащие средствами сочинительной связи, а также основные конструкции сложного предложения, классифицируемые по типам включения придаточного. Разумеется, исчерпать специфику НИА синтаксиса в одной главе невозможно, но в ней удачно выделены и наглядно представлены характернейшие его черты и среди них ряд вопросов, вызывающих больше всего разногласий. Она послужит хорошей основой для дальнейшего поиска.

Закрывают книгу упомянутые в начале рецензии "Приложения", поглавные примечания (с. 464—479), библиография (с. 480—510), указатели языков (с. 511—525) и общий предметный (с. 526—539). Эти указатели существенно облегчают пользование книгой как справочником. В построении же библиографии, включающей 800 названий, разнесенных в алфавитные списки по восьми десяткам языков и предваряющий их общелингвистический, не учтено то обстоятельство, что искать в ней цитируемые источники по ссылке на автора и год издания не всегда легко и специалисту, ориентирующемуся в литературе, не говоря уже о неопитах. Сквозная нумерация работ списка при сохранении его строения намного облегчила бы эту задачу.

В целом книга дает наглядное системное представление соотношения индоарийских языков по основным структурным уровням, четко выделяя центральные (в обоих смыслах: системном и пространственно-территориальном) черты и достаточно подробно характеризуя периферийные (в тех же смыслах) отклонения от преобладающей нормы. Она может быть рекомендована как надежный источник достоверной и удачно обобщенной информации лингвистам-типологам, широким индоевропейцам, а вместе с тем — как средство расширения профессионального кругозора — тем индологам, которые, занимаясь практическим изучением и преподаванием конкретных языков, хотят лучше понять своеобразные внутренние механизмы их развития и функционирования.

Особенно рекомендую ее вниманию своих соотечественников, поскольку книга являет тот редкий случай в западном индологическом языковедении, когда к теоретическому обобщению наряду с западноевропейской, американской и индийской специальной литературой широко привлекается русская, причем отнюдь не формально, а с компетентной оценкой и творческим использованием содержащихся в ней идей. Касательно наших работ, непосредственно связанных с обсуждаемыми К. Масикой вопросами, можно заметить лишь единичные упущения. В их числе помимо упоминавшейся работы А.П. Баранникова о сложнопредикатных глаголах [16] назову статьи В.М. Бескровного о глагольных сочетаниях хинди с *rahnā* (УЗЛУГ № 279. Л., 1960) и Т.Я. Елизаренковой об эргативных конструкциях НИА языков (Л., 1967) и первый том издания "Языки Азии и Африки" (М., 1976), более чем наполовину посвященный индоарийским языкам. Правда, все они не только не противоречат высказанным К. Масикой идеям, но могут служить дополнительным их подтверждением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bhandarkar R.G.* Wilson philological lectures on Sanskrit and the Derived languages. Delivered in 1877 // Collected works of Sir R.G. Bhandarkar. V. IV. Poona, 1929.
2. *Beames J.* A comparative grammar of the modern Aryan languages of India. V. I—III. L., 1872—1879.
3. *Hoernle A.F.R.* A comparative grammar of the Gaudian languages I., 1880.
4. *Kellogg S.H.* A grammar of the Hindi language, in which are treated the High Hindī, Braj and the Eastern Hindī of the Rāmāyan of Tulsī Dās, also the colloquial dialects of Rājputānā, Kumāon, Avadh, Rīwā, Bhojpūr, Magadha, Maithilā etc. with copious philological notes. 3rd ed. L., 1938.
5. *Grierson G.A.* On the modern Indo-Aryan vernaculars // Indian antiquary. Bombay, 1931—1933.
6. *Bloch J.* L'indo-aryen du Veda aux temps modernes. P., 1934 (cf. Bloch J. Indo-Aryan from the Vedas to modern times. English edition largely revised by the author and transl. by Master A. P., 1965).
7. Current Trends in linguistics / Ed. by Sebeok Th. A. V. 5: Linguistics in South Asia. The Hague, 1969.
8. *Masica C.P.* Defining a linguistic area: South Asia. Chicago, 1976.
9. *Зиграф Г.А.* Морфологический строй новых индоарийских языков (Опыт структурно-типологического анализа). М., 1976.
10. *Joos M.* The English verb. Oxford, 1964.
11. *Катенина Т.Е.* Язык хинди. М., 1960.
12. *Баранников А.П.* Хиндустани (урду и хинди). Л., 1934.
13. *Polizka V.* On the perfective verbal aspect in Hindi. Some features of parallelism between New Indo-Aryan and Slavonic languages // АО 1967-1969. V. 35—37.
14. *Hook P.E.* The compound verb in Hindi. Ann Arbor, 1974.
15. *Lienhard S.* Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der modernen Hindi. Stockholm, 1961.
16. *Баранников А.П.* Сложнопредикатные глаголы хиндустани и их смысловые эквиваленты в русском языке // Язык и литература. Т. II. Вып. 1. Л., 1927.

Зиграф Г.А.

Рубинчик Ю.А. Лексикография персидского языка. М.: Наука, 1991. 224 с.

Значительным событием в иранистике явился выход в свет монографии Ю.А. Рубинчика, в которой нашел свое освещение и решение широкий круг актуальных и важных проблем современной персидской лексикографии. В этой первой фундаментальной лексикографической работе по иранским языкам подвергаются последовательному, детальному и комплексному рассмотрению вопросы теории и практики составления толковых и двуязычных переводных словарей персидского языка.

Книга состоит из Предисловия, пяти глав и Заключения. Автор начинает свое исследование с краткого, но глубокого анализа истории персидской лексикографии, уделив особое внимание характеристике и оценке

основных современных словарей персидского языка, изданных в Иране и в нашей стране. В конце гл. I "Персидская лексикография: проблемы и состояние разработки" (с. 22) им формулируется круг задач, стоящих перед составителями персидских переводных и толковых словарей: определение словника и выработка критериев отбора лексических и фразеологических единиц для словарей различного объема и назначения; принципы выделения и представления в словаре различных типов лексического и фразеологического значения; решение проблемы соотношения полисемии и омонимии в преломлении к лексикографической практике, а также словарная разработка различных частей речи; отграничение слож-